

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА БРОДЫ

Село Броды расположено на левом берегу реки Волги в 48 километрах от города Тверь (ныне Калинин). История этого села уходит в глубокую древность. Однажды автор этих строк в 1929 году (когда ему было 8 лет) случайно обнаружил в Бродовской ^{церкви} ~~деревне~~ архив. Он хранился в железном ящике под массивным креслом в углу алтаря. На этом кресле обычно отдыхали священники во время чтения "Апостола". С удивлением я обнаружил в ящике между других бумаг голстую тетрадь, в которой разными почерками были сделаны записи об истории моего родного села. Летописцем этой истории были священники Бродовской церкви Иосиф Шевелев, Арсений Ефимович Лебедев и Алексей Васильевич Новедский, служившие в ней в девятнадцатом и начале 20 века. Последним летописцем был учитель - Евгений Арсеньевич Лебедев (умер в 1937 году). Из записок мне запомнились следующие события:

Раньше, до конца 18 века, село Броды называлось Семеновское. Это село располагалось на самом берегу Волги, напротив, "переката", там где река круто поворачивала на северо-восток. Волга летом здесь была настолько мелкой, что её переходили даже козы. Поэтому Семеновское было известно еще и под названием "Козьи броды".

Над самым обрывом в селе стояла небольшая деревянная церковь во имя Семсона Богоприимца (праздновалось 16 февраля по н.ст.). В конце 18 века в нашей местности наблюдалось необычное бурное весеннее половодье Волги. Река выходила из берегов, затопляла село и подмывала берег. Это вынуждало жителей постепенно переселяться подальше от реки, на более возвышенное место. К концу 19 века село Броды располагалось уже у подножья высокого коренного берега, в версте от современного русла реки. Весенние разливы Волги сюда уже не доходили, а высокий коренной берег служил селу защитой от северных ветров. Последним зданием, оставшимся на месте старого села, у обреза воды,

была церковь.

Но вот в 1777 году Волга, вскрывшись ото льда, подступила к стенам этой церкви, подняла её и в неприкосновенности понесла вниз по течению. Как и всегда во время половодья над Волгой стоял густой туман, и жители села (с нового места) исчезновения церкви не заметили, тем более, что ^{это} явление произошло в темную ночь. И только утром, прийдя на богослужение и не обнаружив своей церкви, они бросились в погоню за нею. "Догнать" церковь удалось лишь около села Избрин, в 20 верстах от Брода. Осторожно причалили её к берегу, где она так и осталась стоять до полного разрушения от ветхости.

Новую (и тоже деревянную) церковь построили в 1782 году. Её расположили не под горой, куда переместилось село, а на самой высокой точке коренного берега в березовой роще. Церковь имела 3 престола: первый и главный во имя Знаменья Богоматери (праздновали 10 декабря), второй — во имя Самсона и Анны (16 февраля) и третий — во имя Фрола и Лавра (31 августа). Вокруг церкви вскоре стали хоронить сначала священнослужителей, а потом и мирян. Образовалось кладбище, которое существует и по сию пору. Церковь просуществовала до 1883 года, а потом сгорела ночью по неизвестной причине. Удалось спасти лишь старинную храмовую икону "Знаменье", плащаницу и два небольших колокола. Место сгоревшей церкви было обнесено деревянной оградой. Внутри её, вплоть до Великой отечественной войны, не разрешалось производить никаких захоронений, так как считалось священным местом.

Новый Брод

На том месте, где ныне находится село Брод в конце 19 и начале 20 века рос могучий сосновый бор. Он занимал склоны всю возвышенность от коренного берега Волги до реки Улюски. Восточная часть бора называлась Бутавинки, а Западная — Простово. В этом бору первым построил свою усадьбу и тем самым положил начало строительству села на новом месте, коренной бродовский крестьянин Кузнецов Ермолай.

За ним построили дома: Чуканов Прохор, Лавров Яков, Дроздов Спиридон, Кузнецов Василий, Моряков Иван, братья Бжковы и Андрей Доини. Дома строились по прямой линии в одну улицу, с окнами, обращенными к Волге. Они были деревянные, за исключением двухэтажного дома Кузнецова Василия в центре села и магазина-склада Кузнецова Ермолая (сохранившегося до сих пор), построенных из кирпича и отштукатуренных. Большинство домов были покрыты дранкой, а дома Кузнецовых, а также урядника Дмитриева - кровельным железом. Добротные постройки, широкие окна жилых домов с узорчатыми наличниками говорили о зажиточности большинства бродовских крестьян, а чистота улиц, цветы в палисадниках, окружавших почти каждый дом, свидетельствовали об их культуре.

В Старицком уезде село Брод издавна считалось наиболее богатым. Земля "бродовщины" была весьма плодородной, так как, в основном, она была расположена в пойме Волги. Здесь хорошо росли всякая рожь, картофель, лен, конопля, гречиха, капуста, морковь и репа. В садах многих крестьян росли яблоки, вишни, сливы, красная и черная смородина, крыжовник и малина. Значительно позднее (в конце 20^х годов) на полях бродовских крестьян появились клевер и тимофеевка, а также яровая пшеница. Помещичьих и монастырских земель на "бродовщине" никогда не было. Крестьянские хозяйства здесь до революции считались "государственными". Они ежегодно платили казне денежный налог в зависимости от размеров закрепленной за ними площади сельскохозяйственных угодий. Натуральными налогами крестьяне не облагались ни до революции 1917 года, ни первые два года после неё, вплоть до 1919 года, когда в стране был введен режим военного коммунизма с его продразверткой. Выращенным урожаем и произведенной в своем хозяйстве животноводческой продукцией крестьяне имели полное право распоряжаться по своему усмотрению.

И, тем не менее, расслоение бродовских крестьян по уровню зажиточности имело место.

Гаврилов за -

^{или}занятности становились, как правило, те семьи, которые имели много трудоспособных членов, особенно если один или два из них успевали на осенне-зимний сезон для заработка на стороне: в Питер, в Тверь, в Москву или в другие города. Занятными семьями в Броду до революции 1917 года считались Кузнецовы, Дроздовы, Чубановы, Илюсовы, Лавровы и Доннины. Самым богатым на селе считался Василий Яковлевич Боровицкий - сын волостного старосты. Помимо земельного надела и большого сада, В.Я. Боровицкий содержал лавку, в которой население покупало для себя товары первой необходимости: керосин, свечки, соль, сахар, муку, крупу, ситец и другие. В собственной переработке у Боровицкого два наемных портняжки делали хлеб, булочки и баранки.

В семье В.Я. Боровицкого было 10 детей. Все они учились в хозяйстве отца, как обычные крестьянские дети.

Были в Броду и бедняки, например, бедняк Кошки Иван, Христинья Евсейка, племянница Бульга, вдова Офицерова Пелагея. Но большинство крестьян в Броду считались крепкими середняками. У каждого из них в хозяйстве была лошадь, по 1-2 коровы, а также овцы, свиньи и куры - в количестве, необходимом для пропитания своих семей. Продажа продукции на рынке производилась в очень ограниченных размерах только некоторыми зажиточными крестьянами. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств в Броду носило натуральный характер.

До создания в Броду МТС (1932 год) полевые работы во всех без исключения хозяйствах выполнялись на конной тяге или вручную. Бродовские крестьяне первыми в округе стали пахать землю конными одноземными плугами, а сеять использовали только для распахивания борозд картофеля. У плугов металлических были только лемеха, отвалы и стойки, а рамы делали из березы. У борон также железными были только зубья, укрепленные на деревянных рамах. Плуги и бороны изготовлялись в местной кузнице, в которой из рода в род tradi-

лись потомственные бродовские кузнецы Ежковы ("жучи" бронеты) и Староверовы (с рижей шевелорой). Они же для всего села подковывали лошадей, ковали шины для телег, обручи для бочек, цепи и косы, паяли ведра и самовары.

Сев зерновых производился вручную. Эта работа выполнялась обычно самыми опытными членами семей. Сеяльщики, подвязав полотенца к лукошкам (из бересты) и набросив полотенце на шею, мерно, в такт шагам, брали руками семена и с силой ударяли ими о стенки лукошек, чтобы равномерно рассеять их по полю. Заделка семян в почву осуществлялась боронами.

Сев озимой ржи по традициям начинался в Броду 19 августа с праздника "Преображения" (в народе назывался "второй Спас"). В этот день крестьяне освящали в церкви семена ржи, а заодно и яблоки ("второй Спас" по-этому назывался еще и "яблочный"). Уборку ржи производили только серпами и, как правило, женщины и подростки. Мужчины ставили снопы в так называемые "стойки" для предварительной просушки по 10 штук в каждой, или в "кресты" по 20 штук. Для защиты колосьев от случайных дождей сверху на "стойки" и "кресты" ставились толстые снопы торцами вверх. Обмолот же снопов производился в овинках. Их имела каждая крестьянская семья. Овины состояли из двух частей: помещенной для сушки снопов с печью, топившейся дровами "по черному", и гумна для обмолота снопов. В отличие от риги (в Броду их не было), печь в овине помещалась под землей, а снопы над печью ставились стойки на "колосники" (жерди). После просушки снопы вытаскивались на гумно через небольшую квадратной формы дверь.

Если крестьянин ставил целью получить из озимой соломы кровельный материал, он сначала каждый сноп "квастал", т.е. брал его за торец или перевязку и бразмаку ударял несколько раз по бранту, закрепленному в "козлах" на высоте пояса. Затем сноп тщательно домолачивался увесистой палкой. При таком способе молотбы стебли не

мались. Если же солома была нужна для кормовых целей или для подстилки скоту, то снопы располагались на гумне в два ряда колосьями вовнутрь и их молотили цепами. Цеп состоял из палки-державки, соединенной мягким ремнем с палкой меньшего размера, но более массивной. Молотба производилась в два, в три или в четыре цепа в зависимости от количества молотильщиков. Встав друг против друга, они в строгой последовательности били цепами по снопам. Особенно "веселая" на слух музыка получалась, когда молотили сразу в 4 цепа. Это воспринималось, как большое искусство.

Яровые культуры (овес, ячмень, горох и гречиху) молотили обычно следующим способом: на гумне или прилегающей к нему утрамбованной площадке их расстилали в виде широкого кольца, по которому несколько раз прокатывали на лошади толстые бревна с ~~насаженными~~ ^{насаженными} на него по спирали прочными деревянными зубьями.

Очистка зерна от мякины осуществлялась многократным проветриванием вороха с помощью широких деревянных лопат.

Для перемола зерна в муку использовались ^{ручные} ~~рабочие~~ жернова. Они в Броду имелись в каждой семье. Нижняя (неподвижная) часть жернова делалась обычно из прочного камня, а верхняя (вращающаяся) из березы или дуба. И верхние и нижние жернова имели насечки (верхние-металлические). Верхний жернов приводился в движение вручную. Незадолго до революции 1917 года в деревне Быльдино появилась ветряная мельница, а в 20^х годах речка Улоска напротив деревни Горки была перегорожена плотиной и там была сооружена водяная мельница. С появлением этих мельниц ручные жернова потеряли свое былое значение, но стояли в амбарах крестьян еще долгие годы без использования. И только во время Великой отечественной войны ^{вошли} оказались незаменимыми для размола зерна.

Бродовские крестьяне раньше других в округе покончили с трехпольной системой земледелия и уже в начале XX века перешли на

плодосмен, т.е. постепенно стали внедрять севообороты. К этому времени пахотные земли села заметно расширились. Кроме главного пахотного массива по левому берегу Волги были освоены под пашню еще несколько урочищ: перед деревней Аппшево, между речкой Улюской и ручейком Неприком, на правом берегу Улюски и другие. Как то само-собой так получилось, что бродовские крестьяне стали одновременно каждое урочище засеивать (в границах своих наделов) одинаковыми культурами, синхронно производя планомерное их чередование по годам. Особое внимание уделялось тщательной обработке и удобрению полей чистого пара. По окончании весеннего сева в селе наступал период вывозки навоза в пары. Этот период назывался "навозницей", и он длился почти до сенокоса. Красивую картину представляли летом поля цветущего нежно-голубым цветом льна, белоснежные ^квры гречихи с их медовым ароматом, шелестящие от дуновения теплого ветра волны поспевающей ржи.

Брод после Октября.

Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года жители Брода встретили без особого энтузиазма, считая, что Советская власть — это явление временное. Но приезжающие в Брод дачники из Питера взбудоражили население. Они рисовали тревожные картины начавшейся в стране гражданской войны и расправы ВЧК с врагами советской власти.

7 ноября 1918 года в Броду состоялся первый политический митинг. Демонстранты с красными флагами прошли село из конца в конец с песней Демьяна Бедного "Во солдаты Ваня мать провожала" и с песней коммунаров ("Под частым разрывом гремучих гранат отряд коммунаров сражался."). Затем с балкона дома Боровицкого выступило несколько ^{сратсров} офицеров. Все они свои речи заканчивали призывом: "Да здравствует мировая революция." Они же исполняли в конце митинга "Интернационал", который тогда большинству насе-

ления был еще неизвестен.

Первомайский митинг 1927 года еще более оживил общественную жизнь в Броду. Появились новые ростки и в крестьянских хозяйствах. С конца 20^х годов в Броду постепенно стало внедряться травосеяние. Первым энтузиастом этого прогрессивного начинания был Кузнецов Иван Михайлович. Он собирал вручную семена дикорастущих клевера, тимopheевки, овсяницы и тимьяна, подсушивал их на чердаке^с, очищал, а весной высевал на отдельной делянке. Позднее, по мере разноразмерия семян трав, он стал засеивать ими уже целые поля. Настоящим руководителем для внедрения травосеяния была популярная в те годы маленькая газетка-брошюра под названием "Сам себе агроном". По примеру И.М. Кузнецова травосеянием стали заниматься и другие крестьяне.

Некоторое повышение культуры земледелия незамедлительно сказывалось на урожайности полей. В 1928 и в 1929 годах средний урожай зерновых в Броду составил "сам 7" против "сам 5" в 1925-1926 годах и "сам 2" в 1919-1922 годах, когда во всей округе стояла сильная засуха. Как вспоминают сторожилы, 1919-1922 годы были самыми голодными годами для жителей Брода. Положение усугублялось еще и тем, что в эти годы по всей Тверской губернии прокатилась эпидемия гриппа, называвшаяся тогда "испанкой". От голода и гриппа в Броду погибло около 50 человек.

Овощи в Броду с давних пор выращивались на постоянном месте-огороде, расположенном сразу же за коренной горой. Здесь была наиболее плодородная почва - бывшая пойма Волги. Каждая семья на этом огороде имела постоянный участок, где выращивался неплохой урожай столовой капусты, лука, моркови, свеклы, репы и редьки. Из зеленых культур^н выращивались укроп и петрушка. Теплиц бродовские крестьяне не строили. Самыми трудоемкими культурами в Броду считались лен и конопли. Возделыванием их вы-

нуждена была заниматься каждая семья. Лен и конопля давали жителям возможность иметь в достатке собственное льняное и конопляное масло, получать ткани для одежды и постельных принадлежностей, производить добротные мешки, рыболовные снасти, веревки и канаты.

Уборка льна и конопли осуществлялась методом тербления стеблей вручную. После просушивания снопов на поле в так называемых "бабах", стебли прочесывали через металлические гребни для отделения от них плодов с семенами. Затем эти стебли, именуемые "трестой", расстилали по стерне зерновых, используя августовские росы, или замачивали в неглубоких ямах — "копанцах." Через определенное время "тресту" поднимали со стлиц, вынимали из копанцев и пропускали через льномылки. Льномылка представляла собой бревно со сплошной продольной прорезью, в которую входил гладко выструганный тупой нож, один конец которого закреплялся шарнирно в конце бревна, а другой конец имел ручную рукоятку. Затем производилось "трение" мягкой тресты колотушками для отделения волокон от "костры" и "чесание" волокон льна и конопли на деревянных широких гребнях, прикрепленных к скамьям для удобства работы чесальщицам. Полученную массу мочиды нанизывали на более мелкие гребни и крутили из неё нитки с помощью веретен. Из этих ниток на ручных станках крестьянки потом ткали полотна, половики, скатерти и другие изделия. Полотна, предназначенные для шитья одежды, расстилали по снегу, чтобы ткань была белой и чистой.

На выполнение трудоемких операций по переработке льна и конопли у женщин уходила вся зима до начала очередного полевоего сезона. В зимний вечер они обычно сходились вместе в том или ином доме, и под монотонное журчание веретен делились между собой разными известиями или пели песни. Помещение скудно

освещалось лучиной. Шипением лучины и поддерживанием необходимой яркости света при её горении обычно занимался один из подростков той семьи, в доме которой сходились женщины со своими гребнями, паклей и веретенами. Керосиновые лампы из-за дороговизны керосина в крестьянских домах зажигались только в праздничные вечера.

Развитие животноводства в единоличных крестьянских хозяйствах Брода всегда сдерживалось недостатком кормов, особенно грубых и пастбищных. В окрестностях села было мало естественных лугов, а пастбища приходилось лишь по берегам рек Волги и Улюски, по лесу, или по стерне зерновых после уборки урожая. Заготавливать сено приходилось за 7-9 верст от села в урочищах "Гудово" (за Станишиным) или "Новоямне" (между деревнями Горлово и Беншелино). На сенокос ездили, как правило, всем селом, на лошади, с большим шумом, так как в телегах везли косы, грабли, вилы, а под телегами гремели ведра и кастрюли, привязанные веревками. На сенокосе ночевали в шалахах, сделанных из молодых березок. Каждой семье заранее отводились участки, которые назывались "осмаками". Почти все они были заросшие мелким кустарником (ольхой, осинкой, березками), но между кустов трава росла хорошая. Косили её ручными косами по вечерней или утренней росе.

Сено на месте обычно не сушили, а чуть подвялиив траву, навивали её на телеги, и с одним из членов семьи отправляли домой для досушки у сараев. Досушкой сена и уборкой его в сарай занимались обычно старики, подростки и дети. Детям эта работа очень нравилась и воспринималась как веселое развлечение.

Для пастбы скота жители Брода ежегодно нанимали со стороны пастуха, а иногда еще и подпаска с оплатой их труда натурой и деньгами. Заботу о питании пастухов брала на себя каждая семья, по очереди. Коровы, телята и овцы паслись вместе. Хозяйки, подбив

до рассвета коров, с восходом солнца выгоняли скот на улицу. Пастух при этом играл на своем рожке, сопровождая ~~при этом~~ свое искусство громким хлопанием кнута. В жаркое время суток (в "полдник"), когда появлялись овода и слезни, пастух и подпасок загоняли коров на отмель Волги. Сюда женщины из села приходили вторично доить коров. Вечером скот в село притенялся поздно, в сумерки. Во время вечерней дойки коровы подкармливались свежей травой, нарванной руками детей.

Жители Брода с испокон веков выделяли из кожи забитых животных (крупного рогатого скота и свиней) обувь, конную упряжь и различные ремни. Большим мастером "дубления" кож в 20^х годах был бильдинский сапожник по имени Аним. Изготовленная им из таких кож обувь отличалась не только прочностью, но и красотой. Шерсть от овец бродовские крестьяне использовали, главным образом, для поделки валенок. Их "кагал" в своей кустарной мастерской крестьянин Михаил Ермолаевич Кузнецов с супругой Анной Ивановной. Из шкур овец выделялись также теплые шубы.

Бродовские крестьянки хорошо умели делать из свежего молока творог, простоквашу, молоко "облитое" и "топленое", а также сливочное масло. Последнее изготовлялось из сметаны, сбиваемой в ручных маслобойках (небольших плоских боченках с вращающимися внутри крестовинами).

Помимо продуктов питания, получаемых от домашнего хозяйства, жители Брода пользовались также естественными дарами природы.

В сосновом лесу, окружающем село, хорошо росли белые грибы (боровики), маслята, сироежки и лисички. Недалеко (под Дерягинши) в ^{сосновом} ~~сосновом~~ лесу родились яркооранжевые рыжики, а в местечке "Полоски" под Акишевым — подберезовики и подосиновики. Но грузди в окрестностях Брода не встречались.

За земляникой, черникой, брусникой и клюквой бродовские женщины и дети ходили в лес за Волгу под деревню Климово, а за "пьянкой" (т.е. голубикой) — под деревню Рихово. Орехи (буцудук) собирали за деревней Кучково по берегу Волги.

Большим подспорьем в питании населения была рыба. В Волге в довоенные годы водилось много хорошей рыбы: головлей, пескарей, окуней, налимов. Иногда попадались ельцы, язи и шересперы. Рыбу ловили удочками (лески для которых сгибались из конского волоса), мережками, "переметами", реже сетями. Мережка — это сетка из толстых ниток, натянутая на каркас, изготовляемый из прутьев можжевельника. Спереди мережка имела небольшое круглое окошечко, от ободка которого натягивались к хвостовой части три нитки. На одну из ниток с помощью иглы насаживалось несколько земляниек червей для приманки рыбы. Мережка ставилась окошком вниз по течению реки на расчищенное от камней дно. К мережке подвязывались три камня (два по бокам, один — к хвосту), чтобы она не увлыла. Через 40–50 минут мережку поднимали, выносили к берегу, вынимали из нее рыбу и вновь "заставляли". В мережки обычно попадались пескари и окуни, при чем время ловли их было очень ограниченное, примерно до 22 мая (Николина дня), когда в реке еще не появились водоросли. Пескари и окуни ловились также на удочки — донки с насадкой на крючки червей. А головли и язи лучше всего клевали на майских жуков и их белые личинки, а уклейки на мух. Большими умельцами ловли крупной рыбы на удочку в 20–30 годы в Броду были учитель Иван Егорович Арбузов и пенсионер Евгений Арсеньевич Лебедев. Ловлю крупной рыбы на "переметы" лучше всех освоил ученик Алена Поведский. К длинной бечеве он подвязывал на определенном расстоянии друг от друга до 30 прочных ниток с крючками на концах, насаживал на них приманку (кузнечиков, стрекоз, личинок жуков, червей и др.) и протягивал перемет через всю реку (чаще всего напро-

деревни Потаниха). К утру на перемет попадалось до 10-15 штук крупной рыбы. Особенно много любителей ловли рыбы на Волге было во время ледохода. Испуганная шумом и треском льда крупная рыба заплывала в тихие заводи, где её ловили "наметками" (широкий сак с длинной прямой жердью). Налимов обычно ловили подростки летом вилками, извлекая её из-под плоских камней.

Водилась рыба и в Улуске, но более мелкая: пескаррики, гольцы, "мисери". Ловили эту рыбешку здесь все лето дети. Орудиями лова были донные удочки и обыкновенные решета, в которые дети загоняли рыбу босыми ногами из "тины", т.е. водорослей.

Раки в Волге и в Улуске попадались редко.

Церковь. Традиции и обычаи.

Духовная жизнь многих поколений бродовских крестьян была тесно связана со своей церковью. В ней они крестились и крестили своих детей, венчались, исповедовались, слушали правоучительные проповеди священников и просто общались между собой. Церковь провожала своих прихожан в последний путь.

"Приход" (т.е. зона обслуживания) бродовской церкви был большой. Он состоял из 17 деревень (Вусси, Березни, Акшево, Кучково, Быльдино, Толвенцово, Сасняково, Горлово, Пролетнево, Горки, Дерягино, Рюхово, Тарутино, Бутово, Потаниха, Климово и Курцово). Все жители этих деревень исповедовали православную веру. Исключением (к 1930 году) были лишь 2 семьи в Броду (Донина и Фунтянова), которые не принимали в своих домах иконы во время "крестных ходов" в Пасху и в другие праздники.

Сразу же после того, как в Броду сгорела деревянная церковь (на владбище), прихожане без всякого принуждения стали собирать свои крошечные копейки и рубли, чтобы выстроить новую каменную церковь. 8 бродовских стариков (из семей Фроловских, Метелкиных, Знаменских, Лавровых и др.) добровольно отправились по городам и ве-

спы Верхневолжья для сбора пожертвований на это дело. Крупные вклады внесли питерский купец Петр Николаевич Шербинин и московский купец Иван Ефимович Зубарев (уроженец Горюк). Церковь была построена за неполных три года и в 1886 году была освящена старшим епископом Борисом и настоятелем церкви о. Арсением Лебедевым, прослужившим в Броду около 30 лет (умер в 1911 году). В церкви было 5 алтарей: два в зимней части (во имя Семеона Богоприимца и Петра митрополита московского) и три в летней части (во имя Знаменья Богородицы, Фрола и Лавра и Иоанна Рыльского). Просторная, светлая, красивая снаружи и внутри с высокой мощной колокольной бродовская сельская церковь больше походила на городской собор. С верхней площадки колокольни через 8 окон открывался чудесный вид на окружающую природу, на ближние и дальние селения, на Волгу. Отчетливо были видны церкви сел Станьшино (5 верст), Буконтово (12), Заречье (11), Троицкое (12), Анненское (14), Емельяново (7), Ильинское (22), Иванови (8), Казнаково (3), Васильевское (7), Панафидино (15) и даже Орьевское под Старицей (20 верст).

Строилась церковь из красного кирпича высокой прочности, изготавливаемого здесь же, на строительной площадке, лучшими печниками округа под руководством тверского мастера Ананья с моровоекой фабрики. В фундаменте под зимней частью церкви была сложена печь с воздуховодами, проходящими под полом. Печь топилась дровами, поэтому в зимнее время в церкви всегда было сухо и тепло. Очень красивым был резной иконостас, особенно в летней части церкви. Он вытачивался из красного дерева мастерами красноподеревщиками, посланными из Питера купцом Шербининым. Все иконы в иконостасе были греческого письма, нарисованные московскими живописцами. В 1929 году наружные стены церкви были расписаны сюжетами на библейские темы старшим живописцем Петром Михайловичем Жуковым и его сыном Алексеем. Церковь имела прекрасную

акустику и освещенность. С высоких сводов напротив алтарей свешивались красивые бронзовые панцикадила.

Бродовская церковь издавна славилась своим хором. В 20^е годы в нем участвовало около 20 сельских жителей обоего пола. Руководил хором до 1926 года учитель Иван Владимирович Морозкин. Будучи образованным музыкантом, он до совершенства довел исполнение своим хором духовных песнопений композиторов Чайковского (особенно его литургии Иоанна Богослова), Боршинского, Чеснокова и других. Спевки хора обычно проводились в ограде в вечернее время. Часто здесь же хор разучивал и народные песни — русские, украинские и белорусские — к большому ^{удовольствию} удивлению всех, кто приходил их слушать. Особенно сильными и чистыми голосами в хоре отличались сестры Мария и Татьяна Павлови, Парасковья и Надежда — дочери Петра Кривого из Бережков, Ульяна Михеева, Ольга Фигоньговна Поведская — жена священника. Мелодии разучивались по нотам. С уходом Морозкина из Брода этот хор распался, а вместо него был создан мужской хор, руководил которым до закрытия церкви амшевский крестьянин Никанор Иванович Балакин. В хоре были неплохие басы (Боровицкий Василий и Смирдин Иван), теноры (Фердинанд Петр, Лавров Иван и Носик Василий) и баритоны (Чужанов Александр, Никоноров Сергей, Кучкин Иван и др.). И хотя участники мужского хора нот не изучали, а исполняли свои песнопения на "слух" (в лучшем случае по старинным "крюкам"), они вкладывали в пение всю свою душу и создавали в церкви во время богослужения умиротворяющую обстановку.

На колокольне бродовской церкви висело 6 колоколов. Главный колокол (его называли "Бом") весом 294 пуда издавал чистый торжественный звон с бархатистым оттенком. Его "язык" весил 11 пудов, поэтому к нему надо было приставлять отдельного звонаря, чтобы раскачивать язык в обе стороны. Вторым колокол (называемый "Бам") весил 54 пуда. От его "языка" спускалась до земли веревка,

при помощи которой церковный сторож отбивал земными ногами "ча-
сы". Третий колокол ("Бень") уцелел от пожара старой церкви и имел
очень приятный "малиновый" звон. Четвертый колокол ("Бинь") звон
издавал особенно гулкий, какой-то залихватский. Были еще два под-
голоска ("Дзень первый" и "Дзень второй"). Всеми колоколами (кро-
ме главного) звонил один звонарь с помощью различных приспособле-
ний. При одновременном звучании всех колоколов получалась строй-
ная, мелодичная и ~~мол~~жорная музыка. Она вполне соответствовала
фразе, высеченной по окружности главного колокола: "Благовестуй
земле радость велию! Хвалите, небеса, Божию славу!"

Самыми искусными звонарями в Броду в 20^е годы были подросток
Сергея Поведоний и певчий Петр *И*фербинин. В большой же колокол
обычно звонили церковные сторожа Павел Рыбкин из Акшинева, а после
его смерти Григорий Чуриков из Курцова, а также церковный старос-
та Антон Иванович Зубков (из Горок). Но в пасхальную неделю зво-
нить в колокола разрешалось всем желающим. А так как желающих
было очень много, и старых и молодых, то всю неделю от Пасхи до
Фомина воскресенья над Бродом стоял неутомимый торжественный гул.

Пасха в Броду отмечалась особенно празднично. В 12 часов но-
чи тишина взрывалась громким перезвонem колоколов. К церкви со
всех деревень прихода сходились люди с зажженными свечами в руках,
чтобы принять участие в крестном ходе вокруг церкви. Торжественное
пасхальное богослужение продолжалось до самого утра. А затем, при-
дя домой из церкви, люди начинали "разговляться" куличами (пыш-
ные высокие белые хлеба, облитые сахарным сиропом), крашенинами яй-
цами и "пасхами" (творожниками с изюмом), освященными в церкви.
В пасхальные дни у бродовских жителей (как и повсюду на Руси) был
обычай при встрече друг с другом произносить: "Христос воскрес!"
И получить на это приветствие ответ: "Воистину воскрес!" При этом
считалось правилом обнять и троекратно поцеловать друг друга.

Праздничная пасхальная обстановка вызвала у людей самые светлые чувства: любви и уважения к "ближнему", сердечности и умиротворенности. Этому способствовало и весеннее пробуждение родной природы в пасхальные дни: появление молодой зелени, прилет грачей, половодье рек.

Были в Броду еще несколько церковных и светских праздников, отличавшихся также всенародно, как и Пасха. С языческих времен ежегодно отмечалась так называемая "масленица" за неделю до Великого поста. В этот праздник всю неделю в каждом доме пекли блины. Обычно их делали из раствора овсяной муки и съедали в горячем виде вместе с творогом, сметаной или маслом, а иногда и со сметками (мелкой соленой рыбкой). В субботу и воскресенье на масляной неделе все крестьяне села, имевшие лошадей, выезжали ката́ться со своими семьями на возках или дровнях. Каждый старался поярче украсить гривы лошадей, обруч и сани разноцветными лентами и прехзать по селу возможно с большей ликостью. Под дурами у многих повозок звенели бубенцы или колокольчики. В последний день масленицы, в воскресенье вечером молодежь села ягла чучело на окраине леса. Делали его из соломки и тряпья, прикрепляли к шесту и втыкали в снег. Вокруг раскладывали огромный костер из дров и бочек из-под дегтя. Через костер с горящими факелами в руках, сделанными из пакли, пропитанной смолой, нарны и девушки с криком и хохотом прыгали через костер, бросались снежками и пели озорные частушки. Костер в темном лесу, факелы, горящее чучело, буйное веселье — все это было волшебно, как в сказке.

Но уже на другой день, в понедельник, обстановка в каждом доме резко менялась. Наступал великий пост, длившийся 7 недель до самой Пасхи. В селе прекращались гулянки молодежи, не слышно было ни песен, ни звука гомонки, ни веселых разговоров. Под унылый звон второго колокола (Бам) жители села — и старые и мо-

...и дети - шли в церковь, чтобы "исповедоваться" (т.е. покаяться в своих грехах) и "причаститься". В "Великий пост" никому не разрешалось есть мясо и яйца, а по пятницам и средам, а также всю последнюю ("страстную") неделю пить даже молока. Наиболее распространенными блюдами в пост были:

1. Тюря - суп из тертой картошки и гороха, сдобренный постным маслом.
2. Мурцовна - крошево из хлеба и лука в холодной воде.
3. Шш из квашеной капусты.
4. Суп грибной.
5. Очищенная от кожуры и обжаренная картошка.
6. Картофельный кисель - сваренная и очищенная картошка истолченная в ступе до состояния густой клейкой массы, разрезанной на кубики и сдобренная постным маслом.
7. Пареная репа, свекла и брюква.

Кухать за стол садилась вся семья, ели все из общей посуды (первое-из блюда, второе-из чугуна). Приступали к еде только после сигнала главы семьи - удара ложкой по столу. Крошки со стола после еды каждый собирал в ладонь и съедал с молитвой: "хлеб наш насущный дождь нам днесь!" Чай пили из самоваров, вода в которых кипятилась древесным углем или сосновыми шишками, заготавливаемых детьми в лесу. Если самовар загужал, его раздували голенищем ^{как} ~~каганого~~ сапога, подобно кузнечному меху.

В большинстве семей каждому члену выделялось на чай разово по одному или по два кусочка сахара. Каждому была предоставлена полная инициатива в способе его употребления. Чай с сахаром можно было пить "вприглядку", "вприкуску" или "вприлизку". Пить чай "внакладку" позволяла себе лишь семья Боровицкого и еще 4-5 зажиточных крестьян, да и то лишь по большим праздникам.

31 августа в Броду праздновался один из главных престольных

праздников — Фролов День. В этот день на площади села между церковной оградой, школой и сторожкой проводилась большая ярмарка. На неё съезжались нивесть откуда и кушцы, и лотошники-коробейники, и лавочники, и гадалки. Гвалт, выкрики, песни подгулявших мужчин, ржание лошадей, звон бубенцов, звуки шарманок, барабанов и бубнов — все это мешалось в сплошной гул. В центре ярмарки кружилась пестрая карусель, на которой в подвешенных каретах или на деревянных конях с серьезными лицами катались подростки и дети, гордые от сознания своей неустранимости. Тут же стояли игральные столы, силомеры, рулетки и даже клетки с морскими свинками, вытягивающие для желающих погадать конверты "со счастьем". Под натрамами на прилавках бойко шла торговля детскими игрушками: "пу-гачами", грубками-горнами, мячиками из опилок на резиновых нитках, надувными резиновыми чертиками, издававшими звуки "уйди-уйди", а также различными сладостями. Народ не расходился с ярмарки до позднего вечера.

Вторая в году ярмарка в Броду проводилась в праздник "Знаменье" — 10 декабря, но она была более скромной, без карусели.

Новый год в Броду до войны отмечать было не принято. Елки ставили и украшали не под Новый год, а под Рождество (7 января), но и то не во всех домах. Украшения елок делались из картона, еловых шишек и разноцветной бумаги, а освещались они огарками свечей. По древнему обычаю в день Рождества дети группами и в одиночку ходили по домам "славить Христа", за что в благодарность награждались пряниками и конфетами (кто что имел). Свообразными ритуалами сопровождалась и другие праздники. В Крещенье, например, (19 января) до 30^х годов в Броду ежегодно совершался крестный ход на речку Уляску, где проводилось водосвятие в проруби, называемом "Иорданом". В Троицу (50 дней после Пасхи) жители украшали фасады своих домов ветками берез и ходили в церковь с цвета-

ми, а в "Вербное воскресенье" (за неделю до Пасхи) — с вербами.

В период между Крещением и Масляницей в Броду по обычаю совершались свадьбы. Ритуал венчания был и торжественный и трогательный. К назначенному часу в церковь приезжал в карете жених в сопровождении многочисленной родни и "дружков" (родителям жениха и невесты присутствовать при венчании не полагалось). Его встречал веселый перезвон колоколов. Затем приезжала с родней и подружками невеста в вуали. При появлении её в церкви зажигалось паникадыло, а хор пел громко величальную молитву ("Достойно есть..."). Священник в светлой ризе, взяв за руки молодых, ставил их перед налоем (подобие трибуны) на середине церкви напротив алтаря с открытыми "царскими вратами". Обряд состоял из чтения притч Старого завета и Евангелия о священном таинстве брака, громогласного исполнения басом одного из певцов "Послания апостола Павла", в возложении венцов на головы молодых, в обмене их кольцами, в испитии по одному глотку красного вина из одного ковша и наконец в благословении священником венчающихся на счастливый законный брак. Жених и невеста каждый в отдельности произносили перед Евангелием обет о верности друг другу в супружеской жизни. В течение всего обряда хор торжественно и проникновенно пел венчальные молитвы. Из церкви свадебная процессия возвращалась домой под звон колоколов. Перед домом молодых осыпали хмелем, а они дарили детям леденцы и орехи.

Школа и другие социальные учреждения Брода.

Школа была построена в Броду почти одновременно с церковью. Она размещалась в небольшом деревянном одноэтажном здании и до революции считалась церковно-приходской. В ней было 4 класса. В школе учились дети из всех 17 деревень бродовского прихода, в том числе и из самых дальних: Дерягина, Таругина, Кучкова и др. Ежедневно (кроме воскресений) 8-12 летние мальчики и девоч-

ки в зимнюю стужу и осеннюю слякоть приходили в школу к 9 часам утра, а после уроков возвращались домой. За плечами они несли котомки со школьными принадлежностями, печеной картошкой и ломтем ржаного хлеба, смазанным льняным маслом.

До 1920 года все ученики школы изучали помимо грамматики и арифметики Закон Божий, преподаваемый священником. Некоторые одаренные музыкальным слухом ученики пели по праздникам на мширосе в церковном хоре. В дореволюционное время и в первые годы после революции в Бродовской школе по 25–30 лет трудились скромные учительницы Павла Дмитриевна Троицкая, Варвара Ивановна Рудакова и Елизавета Ивановна Шевелева.

В начале 20^х годов в Броду была открыта школа II ступени (девятилетка). Для неё было построено второе здание. Однако в 1926 году школа II ступени была перенесена в райцентр Емельяново и до 1930 года в Броду снова оставалась только начальная школа. Осенью 1930 года в селе создается Неполая средняя школа (семилетка), именуемая школой колхозной молодежи (ШКМ). Директором её был Иван Егорович Арбузов. Имея лишь 5-классное образование он, тем не менее, пользовался большим и заслуженным авторитетом и у учащихся, и у учителей, и у родителей. По его инициативе в школе было организовано в большие перемены чаепитие учеников с сахаром и с небольшими ломтиками белого ("ситного") хлеба. По настоянию И.Е. Арбузова при школе в 1932 году открылся интернат для проживания учащихся из отдаленных деревень в зимнее время. До войны в Бродовской НСШ трудились замечательные педагоги: Ольга Михайловна Безобразова – Жукова, Мария Павловна Саватеева, Арсений Григорьевич Григорьев, Александр Никонорович Бросалов (в войну ему было присвоено звание Героя Советского Союза за мужество при форсировании р. Одер), Николай Осипович Лебедев, Иван Михайлович Жуков и др. Будучи молодыми, образованными и интеллигентными людьми, они были истинными наставниками учеников,

сумели вызвать у них интерес к знаниям и заложив в их души гуманно человеческие чувства. Они организовывали по собственной инициативе викторины и конкурсы учеников на общественно-политические и естественно-исторические темы, соревнования по различным видам спорта, вечера художественной самодеятельности. Учителя Лобедев и Бросиков, курировавшие работу редколлегии школьных стенгазет "Класс пионера" и "За отличную учебу", сумели привлечь большинство учеников в качестве корреспондентов этих газет. В 1934 году они были признаны лучшими среди школьных стенгазет во всем Емельяновском районе. Учительницы О.М. Безобразова и М.И. Саватеева организовали издание рукописного школьного литературного журнала, в котором ученики помещали свои стихотворения и маленькие рассказы. Выпускники Бродовской школы 1935-1940 г.г. всегда с особой теплотой и благодарностью вспоминают своих дорогих учителей-наставников.

Село Брод до Великой отечественной войны был вторым по значению медицинским центром в Емельяновском районе. Здесь имелся больничный терапевтический стационар и поликлиника, расположенные в отдельных зданиях. Для врачей был построен отдельный дом с хозяйственными пристройками. Доброй известностью пользовались в округе бродовские врачи (универсалы) Шенги Сергей Александрович и его приемники Биргер Давид Григорьевич и Кузьмин Иван Петрович, а также фельдшер (он же и акушер) Некрасов Арсений Федорович. В 1938 году около больничного городка было построено здание аптеки, первыми фармацевтами в которой работали Марфа Аристарховна Калкина и Ольга Флегонтовна Повецкая.

В 1930 году в Броду стало функционировать почтовое отделение. Этот узел связи перенесен был сюда из д. Липига и он стал обслуживать всю Тредубскую волость. В 1932 году здесь был установлен телефон. Первым начальником почтового отделения "Броды" был Гурьянов Василий (из Быльина), а первой телефонисткой Хрус-

телеграфа Киндига (на Дерягина).

В 1927 году в Брод пришло кино. Первые кинофильмы были немые и чернобелые. Огромный восторг зрителей вызвали картины: "Долушка с кораблей"; "Запретная зона Тюринг", "Поэт и море". Демонстрировалось кино в одном из семейных сараев. Электроток давала динамомашина. Из "двушки" по очереди мальчишки. За это они освобождались от наказания за проступок (фильм (5 показов). Первым киномашинистом был некто Коос из Тюринг. Затем его заменил на этом посту (сейчас простоявший в то время) Фредерикий киномашиной Ваим Корсагин. В обязанности киномашиниста входило и гримирование чтецов текстов по ходу фильма.

В том же году в домах Кузнецова Ивана Михайловича и Морозкина Ивана Владимировича появились детекторные радиоприемники с наушниками. Малышник послушать "концерты" по радио из Москвы было так много, что в домах владельцев этих чудо-аппаратов выстроились очереди.

В следующем, 1928 году, у входа в школу появился первый в селе громкоговоритель в виде большой черной тарелки. С начала трансляции передач из Москвы были предупреждены жители всех окрестных деревень. И тогда из тарелки послышался треск и человеческий голос, молодежь бурно зааплодировала, а многие старики и старушки парокнулись от испуга, осеняя себя крестом.

Основной транспортной артерией, связывавшей Брод с губернской (позже областной) столицей Тверь и уездным городом Старица была Волга. Напротив села под обрывистым левым берегом стояла пристань, к которой пришвартовывались пассажирские пароходы. Первый пароход пришел в Броду в 1909 году. Он именовался "Борис". Имел нижнюю и верхнюю палубы, капитанский мостик с рулевым управлением, высокую трубу и большие ^{две} ~~две~~ лопаты по обеим бортам. После революции "Борис" был переименован в "Мевченко". В 1926 году появился второй пассажирский пароход "Ильинер", он был такого же размера,

как и "Шевченко", но более удобный для пассажиров, так как имел салон для пассажиров не в трюме, а на нижней палубе. В зависимости от уровня воды в Волге пароходы курсировали до Ржева, до Старицы, или только до Иванни.

Все лето и осень по Волге ходили также грузовые пароходы, являвшие баржи с различными грузами ("Маяковский", "Плещеев", "Ильини", "Кольцов" и др.). К пристани они не причаливали. Много Брода часто прошивали длинные плоты, называемые "гонимами". Это с верховьев Волги лесорубы сплавливали строевой лес на заводы и фабрики Твери. На всем протяжении реки от Кучково до Поташки по Волге расставлялись наплаву "бакены" белого и красного цвета, указывающие основной фарватер реки и безопасный маршрут движения пароходов и гоноя. Ночью на этих бакенах горели фонари, замигали которые (а утром гасили) опытные курцовские бакенщики.

Пассажирские пароходы от Твери (Калинина) до Брода шли 7 часов. Обычно по воскресеньям для встречи их к пристани стекалась большая толпа молодежи и детей. Стоя на берегу, они хором пели песни, плясали и танцевали под гудки парохода и звонкие гармошки. Встреча парохода была большим развлечением бродовской молодежи и детворы в весеннее и летнее время. В зимние же месяцы молодежь развлекалась главным образом на так называемых "посиделках", собираясь^А вечерами то в одном, то в другом доме для игр, песен и танцев. Появление кого-либо на посиделках в хмельном виде не только запрещалось, но и презиралось.

Летом конные повозки и большие группы людей при необходимости переправлялись через Волгу на пароме, приводимом в движение паромником и самими пассажирами путем натягивания стального троса, прочно закрепленного на противоположных берегах. А отдельные пассажиры могли переправиться через Волгу в обыкновенной весельной лодке принадлежащей бессменному бродовскому перевозчику Михаилу Спирidonовичу

Дроздову. С каждого пассажира за проезд в одну сторону он брал по 3 копейки.

Брод в годы коллективизации.

Зимой 1929-1930 года в Броду началась коллективизация единоличных крестьянских хозяйств. Проходила она очень ^{быстро} ~~спешно~~. Сходили крестьяне, сначала периодические, потом стали проводиться почти ежедневно, а затем и круглосуточно (взрослые члены семей сменяли друг друга.) Они переносились из одного дома в другой. Возбужденные мужчины и женщины до хрипоты спорили с представителями районных властей и местной партийной ячейки, отстаивая право пользоваться своими наделами земли, постройками и скотом. Воздусушке мальчишки (в том числе и автор этих записок) лазили под окнами, стараясь уловить смысл шумного спора взрослых. Над головами людей стоял свист и едкий дым махорки. Никогда я не видел своих земляков в таком разъяренном состоянии. Намши представителей властей и партийной ячейки был жестокий и неумолимый. Они выполняли установку: осуществить сплошную коллективизацию в самый короткий срок. На столе лежал лист бумаги, где каждый глава семьи должен был поставить свою подпись о вступлении в колхоз. Некоторые из них за время скучки по 3 раза ставили свои подписи с согласия и по 3 раза вычоркивали свои фамилии. "Бродь, не загонишь!" - вопили мужчины, особенно женщины. В Броду коллективизация шла особенно болезненно потому, что большинство крестьян были крепкие середняки. Однако угрозы о "раскулачивании" сопротивляющихся в конце концов возымали свое действие. К весне 1930 года большинство единоличников в Броду вступили в колхоз, а их земельные наделы, хозяйственные постройки, лошади и большая часть коров были обобщены. Колхозу дали название "Волна". Председателем его избрали Александра Бульгу - мужчину средних лет, из бедняков, очень ^{склонного} ~~спешного~~ к договорам и изысканью. Но он был коммунист и его поддерживала селье-

кая партиячейка, возглавляемая Мазановым Г.М.. Он также дружил председателем Бродовского сельсовета Кирьяновым, секретарем сельсовета Мамаевым и с участковым милиционером Оглаульниковым, которого все боялись за свирепый нрав.

Первые жертвы политики коллективизации.

Первой семьей в Броду, испытавшей на себе всю дикость и бесчеловечность политики "ликвидации кулачества, как класса на основе сплошной коллективизации" была семья священника Поведского Алексея Васильевича. Он служил в Бродовской церкви 20 лет (с 1911 по 1931 год). Прихожане его искренне любили и уважали не только как своего духовного пастыря, но и как труженика-крестьянина. Имея 8 детей, он из года в год собственными силами (лишь в последние годы с помощью старших детей) выращивал в своем крестьянском хозяйстве необходимые семье продукты питания: зерно, гречиху, картофель, лен и овощи, собственноручно заготавливал сено для домашнего скота (лошади, коровы, овец), ухаживал за этим скотом, был умелым плотником и столяром по дереву, переплетчиком книг. Окончив в 1909 году Тверскую духовную семинарию с высшей степенью отличия ("богослов") он был разносторонне образованным человеком. Хорошо знал нотную грамоту и искусство хорошего пения, что позволило ему создать в церкви замечательный хор. В то же время отец Алексей (как звали его в селе) был очень скромным и добрым человеком, идеальным ^ясемейником.

Сельская партиячейка неоднократно пыталась спровоцировать священника на действия ^{на} и выступления в проповедях против Советской власти. Силами местных активистов - безбожников устраивались шумные митинги у стен церкви во время праздничных богослужений, подбрасывались в церковь собаки и птицы. Учителям школы было запрещено выдавать детям священника школьные принадлежности, отказывать им в поощрениях за хорошую учебу и т.д. Когда все эти

тивными, ему было дано твердое задание раскорчевать 3 гектара
мелколесья под пашню, а также сдать колхозу 3 кг семян красного
клевера и 5 кг семян льна, ^{клевера и} с помощью прихожан семена льна были
собраны и сданы, но задание по освоению целины было выполнено
лишь на одну треть, на большее у священника не хватило сил.
Это было квалифицировано районным нарсудом, как контрреволюцион-
ный саботаж, и А.В. Поведский был осужден на 10 лет лишения
свободы с конфискацией имущества, включая дом, надворные постр-
ройки, домашний скот, мебель и инвентарь. Огромная семья свя-
щенника, таким образом, осталась без крова и без средств к су-
ществуванию. В колхоз они не были приняты, как семья "врага на-
рода". Выжить ей удалось благодаря поддержке и бескорыстной помо-
щи прихожан церкви, а также великому подвигу жены священника
Ольги Флегонтовны, которой пришлось три года ходить по деревням
за милостыней, чтобы спасти детей от голодной смерти. Два раза
она отвозила мужу сухари в места его ссылки.

Черную роль в судьбе священника и его семьи сыграл Маза-
нов Григорий Михайлович - секретарь партячейки. Он выступил на
заседании нарсуда с заявлением, что священника надо убрать из
села подальше, чтобы ускорить темпы коллективизации, а в его
отсутствии можно было бы закрыть церковь.

Правда восторжествовала лишь спустя 3 года. По ходатайству
прихожан ВЦИК РСФСР освободил А.В. Поведского из мест заключения,
полностью реабилитировал его и возвратил к семье. Однако, подор-
вав здоровье на каторге (на торфоразработках под Шатурой) он
прожил дома всего два месяца и умер в возрасте 45 лет. Похоро-
нен о. Алексей около церкви, в которой он прослужил верой прав-
дой 20 лет. Только после его смерти трудоспособным членам семьи
священника было позволено работать в колхозе.

Такая же участь (и с таким же финалом) постигла и семью Василия Яковлевича Боровицкого, имевшего в семье 10 детей.

Первые годы колхоза "Волна"

В 1930-1931 годах в колхозе был выращен неплохой урожай зерновых (около 11 ц с гектара), что позволило выполнить план хлебозаготовок и выдать колхозникам по 500 граммов зерна на трудодень - больше, чем в окружающих деревнях. Большая заслуга в этом была бригадира полеводческой бригады Лавровой Ульяны (из крестьянской семьи Микеевых), которую колхозники уважали больше, чем председателя колхоза и парторга.

В 1932 году в Броду произошло важное событие - была создана машино-тракторная станция (МТС). Её первым директором был Дунаев, а начальником политотдела Бондарев. Оба были посланцами Губкома ВКП(б). Старшим агрономом МТС был назначен Дытчиков - тихий, скромный, но очень болеющий за дело старший специалист. При создании МТС в ней был только один трактор "Фордзон", но уже к осени прибыло сразу 6 новеньких тракторов ХТЗ. На "стальных коней", обещалось посмотреть, как на чудо, все население села. Когда эти тракторы пахали зябь, за ними по бороздам, как грачи, бежали дети и подростки с песней " Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем в борьбе за это! "

Руководители МТС приняли энергичные меры по повышению культуры земледелия и культуры села. Были организованы курсы по подготовке трактористов, на которых учились не только деревенские парни, но и девушки, проведено в полеводческих бригадах несколько занятий агротехнического всеобуча.

В 1933 году в домах колхозников и в общественных зданиях Брода вспыхнули "лампочки Ильича" от трактора, поставленного на стационар. В середине села (в доме Кузнецовой А.М.) была откры-

та изба-читальня. В ней агроном, врачи и учителя проводили беседы с населением. Здесь же организовывались вечера художественной самодеятельности, демонстрировались кинофильмы, проводились соревнования шахматистов. Над избой-читальней взял шефство Калининский вагоностроительный завод. Он изредка присылал в Брод своих самодеятельных артистов и музыкантов, которые пользовались здесь большим успехом.

На поляне около деревни Бережки было сделано футбольное поле на котором, приехавшие в отпуск из Ленинграда, братья Фроловы учили местных парней правилам футбольной игры. На опушке елового леса были сделаны "гигантские шашки" — карусель, на которой по летним вечерам с удовольствием катались парни и девушки. Иногда на стадионе устраивались танцы под гармонию. Лучшими гармонистами в Броду в это время были Федя Павлов, Борис Кузнецов и Ваня Чуканов.

Брод в предвоенные годы.

К сожалению, взлет инициативы и активности жителей Брода продолжался недолго. Уже в конце 1933 года стал заметен спад трудовой и общественной жизни на селе. Связано это было с тем, что приложив большие усилия для получения в 1933 году высокого урожая, колхозникам было выдано зерна на трудодень лишь по 250 граммов, вместо ожидаемых четырех килограммов. Дело в том, что руководители Емельяновского района (секретарь райкома ВКП(б) Тележкин и председатель РИСа Веселов) дали заверение секретарю Московского обкома ВКП(б) Кагановичу (Емельяновский район в то время входил в Московскую область), что район перевыполнит план хлебозаготовок в 2 раза. Эта "инициатива" Кагановичем была с благодарностью одобрена. Но осуществление её подорвало экономику большинства колхозов района, в том числе и колхоза "Волна". Колхоз сдал на хлебоприемный пункт не только большую

часть продовольственного и фуражного зерна, но даже и часть семенного фонда. Это вызвало недовольство колхозников, подорвало их веру в колхоз. Многие из них, особенно молодежь, из-за угрозы надвигавшегося голода осенью ринулись на заработки в Ленинград и в другие города. Очевидцы рассказывали, что на станции Высокое в ноябре-декабре 1933 года скопились большие толпы людей, ожидавшие своей очереди посадки на поезд. Подходившие к станции составы пассажирских и грузовых поездов люди, буквально, атакывали: лезли в вагоны через двери и окна, забирались на крыши, висели на буферах. Слышались крики и проклятья. Работники политотдела МТС и сельская протряпчейка приняли пропагандистские меры по поведению порядка и дисциплины в колхозе. Они в один голос утверждали, что трудности, переживаемые колхозниками — это следствие коварных козней замаскировавшихся "врагов народа". К разоблачению этих "врагов" были привлечены даже комсомольская организация МТС и пионерская организация школы. Комсомольцы и пионеры под общим руководством зам. начальника политотдела по комсомолу Колесникова создали два отряда так называемой "Легкой кавалерии" — секретных постов охраны хлебов "во избежание их гибели от рук массовых врагов". Выходящая при МТС газета "Сталинский путь" из номера в номер сообщала, как бойцы легкой кавалерии то там, то тут обнаруживают срезанные ножницами колосья ржи и непотушенные костры вблизи посевов, слышат шум шагов убегающих в темноту ночи людей (конечно же "коварных врагов"). Но конкретных "вредителей" ни юным, ни взрослым кавалеристам не удалось поймать ни одного. Да, видимо, их и не было.

Неуютно стало жить колхозникам в Броду. Люди стали бояться громко разговаривать. По вечерам многие даже не зажигали в домах огня — боялись арестов. При появлении в селе милиционера Оглаульникова жители разбегались по домам и запирали двери.

Расскажу только об одном печальном событии, свидетелем которого я был, находясь на родине в летние каникулы 1936 года. Это варварское разрушение церковной колокольни и снятие с неё колоколов. В Брод для этой цели приехали "специалисты". Сначала они сбросили мелкие колокола, затем "пожарный" колокол. И вот, наконец, мастер выбил кувалдой последний клин из "ушей" большого колокола, который 50 лет благовестил народу "радость велию". Колокол будто задрожал от такого безумия и святотатства людей, упал на наклонные бревна, съехал к окну и ударившись на земле о своего младшего брата, издал, как стон, последний звук. Мне подумалось, что в это время наверно задрогнули в мегалах кости тех, кто отдавал последние копейки на украшение своей церкви звонами-колоколами, на строительство храма, где они находили утешение от житейских невзгод. И молчаливали радость от сознания своей причастности к вечному и таинственному миру.

За оградой стояли люди и плакали. И только два комсомольца-члена союза воиствующих безбожников (не хочу называть фамилии) с хохотом, как джигари каменного века, пооступенно плясали между разбитыми колоколами. Пусть это останется на их совести.

Колокольня опустела и стала просвечиваться насквозь своими печальными глазницами - окнами.

Через некоторое время стали разбирать и саму колокольню. И хотя кирпичи спускались на землю по деревянному лотку, но падая с большой высоты, большая часть их раскалывалась. Предполагалось, что кирпичи колокольни пойдут на строительство в Броду средней школы. Но когда стало ясно, что эти кирпичи для строительства использовать нельзя, то был найден другой выход-разобрать на кирпичи церковную ограду, что и было сделано. От ограды остались одни ворота.

В 1938 году Бродовская церковь была закрыта. В ней сначала демонстрировались звуковые кинофильмы, используя прекрасную акустику Храма, а затем руководители МТС не нашли ничего более умного, как использовать церковь — красавицу под механические мастерские. Замечательный резной иконостас из красного дерева был разобран и сожжен, а церковная утварь растащена. В кузнице мастерской был сожжен и богатый архив церкви.

Зимой 1941—1942 года село Брод находилось в немецкой оккупации. При отступлении немцы сожгли село дотла. Осталась лишь обезображенная и обезглавленная церковь.

В 1988 году, посетив родные места, мне стало до боли обидно, что от прежней красоты Брода ничего не осталось.

Но пусть историю восстановления села после войны и описание современной жизни его обитателей продолжают другие, представители молодого поколения моих земляков, кому небезразлична судьба их малой Родины — старинного русского села Броды.

Поведский Поведский П.А.

1990 год.